

Научная статья
УДК 821.161.1
DOI: 10.20323/2658_2023_2_16_66
EDN FNHGDY

**Образ Родины как константа русской этнической картины мира
(историко-литературный контекст)**

Анна Анатольевна Забияко^{1✉}, Фэн Ишань²

¹Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой литературы и мировой художественной культуры, Амурский государственный университет, г. Благовещенск.

²Ассистент кафедры русского языка, Чаньчунский университет, КНР, провинция Цзилинь, г. Чанчунь

¹a.a.scienca@yandex.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-8520-930X>

²1024495050@qq.com, <https://orcid.org/0000-0001-5823-1889>

Аннотация. В статье представлен лексико-семантический, историко-философский, литературоведческий анализ истории формирования представлений о родине в русской этнической картине мира. Авторы исследуют истоки зарождения представлений о родине в русском сознании, его связи с идеей обильности, чадородия, матери, рождающей и непорочной, земли предков (отечества), родной земли, Русской земли, противостоящей чужому пространству. Аргументацией культурно-исторических разысканий выступают данные языка, фольклора, древнерусской литературы и литературы XVIII–XX вв.

Образ Родины в лирическом сознании в наиболее сгущенной форме отражает народные надежды и чаяния в определенный социально-культурный период развития. Авторы обращаются к творчеству В. Тредиаковского, Г. Державина, Е. Баратынского, М. Лермонтова, Ф. Тютчева и поэтов «серебряного века» (А. Блока, А. Белого, А. Ахматовой). Контекст русской лирики XVIII–XX вв. позволяет сделать выводы о том, что архетипические основы представлений о родине наиболее интенсивно проявляются в ситуации «вне родины», утраты родной земли либо грозящей России внешней опасности. Парадоксальным представляется «случай» Анны Ахматовой – ее чувство Родины выдержало все испытания, перенесенные поэтессой, отразив глубинные основания народных представлений о Родине-матери, родной земле, об Отчизне и чужбине. Религиозные коннотации в представлениях о Родине воплощаются в ранней лирике Ахматовой в образах китежанки, боярыни Морозовой, кликуши. Тридцатые годы XX в. усиливают трагические мотивы в творчестве поэтессы, при этом ее лирическая героиня избегает искушения «утешного зова» из чуждаля. Военные годы объединяют стоическое чувство Родины лирического «я» Ахматовой – отражая общенародный патриотический порыв.

Ключевые слова: образ Родины; отчизна; чужбина; русская этническая картина мира; фольклор; лирические коннотации; патриотизм

Для цитирования: Забияко А. А., Фэн Ишань Образ Родины как константа русской этнической картины мира (историко-литературный контекст). 2023. № 2 (16). С. 66-82. http://dx.doi.org/10.20323/2658_2023_2_16_66.
<https://elibrary.ru/FNHGDY>.

Original article

The image of Motherland as a constant of the Russian ethnic worldview (historical and literary context)

Anna A. Zabayako¹✉, Feng Yishan²

¹Doctor of philology, professor, head of the Department of literature and history of world arts, Amur state university, Blagoveshchensk.

²Assistant lecturer at the Department of the Russian Language, Changchun University, PRC, Jilin Province, Changchun

¹a.a.sciencia@yandex.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-8520-930X>

²1024495050@qq.com, <https://orcid.org/0000-0001-5823-1889>

Abstract. The article presents a lexical-semantic, historical, philosophical and literary analysis of the history of forming ideas about the motherland in the Russian ethnic worldview. The authors explore the origins of ideas about the motherland in the Russian mind, its connection with the idea of abundance, fertility, chaste mother giving birth, ancestral land (fatherland), native land, Russian land, opposing to foreign space. The argumentation of cultural and historical researches is based on linguistic data, folklore, ancient Russian literature and XVIII-XX centuries literature. The image of the Motherland in the lyrical consciousness reflects in the most condensed form people's hopes and aspirations in a particular socio-cultural period of development. The authors turn to the works of V. Trediakovsky, G. Derzhavin, E. Baratynsky, M. Lermontov, F. Tyutchev and the poets of the Silver Age (A. Blok, A. Bely, A. Akhmatova). The Russian lyrical context of the XVIII-XX centuries suggests that the archetypal foundations of the idea about motherland are most intensely manifested in the situation "away from the motherland", the loss of the native land or external danger to Russia. The "case" of Anna Akhmatova is paradoxical – her sense of motherland helped the poet withstood all the trials and reflected the deep foundations of people's beliefs about Motherland, native land, about homeland and foreign land. Religious connotations in Akhmatova's ideas about Motherland are embodied in her early lyrics in the images of Kitezhanca (Woman of Kitezhanca), Boyarynya Morozova, and klikusha (the hysteric). The thirties of the XX century intensified the tragic motifs in the poetess's work, with her lyrical heroine avoiding the temptation of a "consolation call" from a foreign land. The wartime years strengthened Akhmatova's stoic sense of the motherland in her lyrical self – reflecting the nationwide patriotic impulse.

Keywords: image of the Motherland; homeland; foreign land; Russian ethnic picture of the world; folklore; lyrical connotations; patriotism

For citation: Zabayako A. A., Feng Yishan The image of Motherland as a constant of the Russian ethnic worldview (historical and literary context). *World of Russian-*

Введение

Представления о *родине* зависят от самого народа, того исторического опыта, который вложили поколения в семантику данной лексики. Существует определенная закономерная связь данного понятия с историей развития государственности, политической системы и этнического самосознания населения той или иной страны.

Родина – ключевая идея русской языковой картины мира, тесно связанная с национальным сознанием; константа этнического сознания, отраженная в языке, русском фольклоре и литературном творчестве.

Методы исследования

Обращение к этимологической реконструкции понятия «родина» в русской этнической картине мира сочеталось с лексико-семантическим анализом. При этом авторы последовательно опирались на культурно-исторический, историко-литературный методы в сочетании с аналитическим реферированием работ предшественников – историков, религиоведов, филологов и философов.

Результаты исследования

Этимологические реконструкции понятия «родина» в русской картине мира

Слово *родина* восходит к праславянской основе «род» (**rodъ*) [Трубачев, 1957]. «Род» (укр. *pid*, болг., сербохорв. *род*, словен.,

чешск. *rod* и т.д.) в славянской и родственной им группе языков связан с лексическими значениями «(обильный) урожай», «процветание», «плодородие», «многочисленная семья». Эти значения восходят к др.-инд. *vṛādhant* («поднимающийся») и целой группе однокоренных слов со значением *роста, умножения, набирания сил* [Фасмер, 1996].

Славянский Род – покровитель рода (семьи), споспешник продолжения рода, ойкуменическое божество; персонифицированное представление о преемственности поколений, берущих начало от общих предков [Забияко, 2004, с. 262-263] – воплощает в себе «идею рода, отжившего и нарождающегося», уходящую корнями в глубокую древность за пределы отдельной семьи [Веселовский, 1889, с. 181]. В Киевской Руси культ Рода продолжил свое существование не только в частных границах отдельных родов, но как общественный «культ княжеских родоначальников» [Жомарович, 1960] – очевидно, здесь берет начало представление о *родине* как государствообразующей категории.

От основы «род» произошли праславянские, старославянские и древнерусские корни с лексическим значением «поколение, происхождение, семья» [Арбатский, 1970, с. 26]. Последующее развитие семантики приводит к тому, что от представлений о *родине* как о *семье*

(укр., блр., *rodina* чешск., *rodzina* польск.), *обилии плодов* (сербохорв.), *месте рождения* (болг.) в русской картине мира исходят и закрепляются значения: *место рождения (семьи)*, *земля предков – отцов («отчина»)*, *родные места* [Фасмер, 1996].

В содержательной структуре концепта «родина» в современных толковых словарях выделяются следующие компоненты, характеризующие его ценность для носителей русского этнического сознания: родная страна (земля); край отцов (место, где человек родился, где живут его родные и близкие); место возникновения чего-либо, колыбель; страна чьего-либо рождения или чьих-либо предков; Родина, Отечество как страна, в которой человек родился и гражданином которой он является; Отечество, Отчизна (слова торжественной, возвышенной речи) [Даль, 2000; Ушаков, 2000; Ожегов, 2009].

Синонимами «родины» выступают слова и словосочетания «отечество», «отчизна», «родная земля», «родная сторона (сторонка)», «родной край», «мать», «дом», «колыбель», «родное пепелище» [Александрова, 2001, с. 436].

Антонимами – «чужбина», «чужая страна (земля)», «чужедалье», «заграница» [Львов, 1984, с. 247]. То есть, «не-родина» – место, населенное чужими, чужаками, чужая земля, которая далеко от своей земли, а также то, что противопоставлено *родине* как государству (своей

земле) и отделено границей, находится за ее пределами. Не случайно русское слово «чужбина» в своем лексико-семантическом континууме связано со словом «судьбина», обозначая не только место, но и тяжкую долю в чужой стороне, в чужедалейной стране.

Исторические этапы формирования представлений о Родине в древнерусском сознании

Представления о родине, выходящие за пределы сельской общины, *рода*, княжества, начинают формироваться в русском этническом сознании в период становления Киевской Руси как единого государства – об этом свидетельствуют данные фольклора и древнерусской литературы. В IX–X вв. слова «Русь», «Русская земля» в значении «родина» начинают применяться по отношению ко всей территории восточных славян – от Карпат до Дона, от Ладоги до Причерноморья [Повесть ... , 2012, с. 239-240; Рыбаков, 1971, с. 157]: *«Пришли Святополк, и Владимир, и Давыд Игоревич, и Василько Ростиславович, и Давыд Святославович, и брат его Олег, и собрались на совет в Любече для установления мира, и говорили друг другу: "Зачем губим Русскую землю, сами между собой устраивая распри? А половцы землю нашу несут розно и рады, что между ними идут войны. Да отныне объединимся единым сердцем и будем блюсти Русскую землю, и пусть каждый вла-*

деет отчиной своей..." И на том целовали крест: "Если отныне кто на него пойдет, против того будем мы все и крест честной". Сказали все: "Да будет против того крест и вся земля Русская"» [Повесть ..., 2012, с. 186]. В этот период складывается русский героический эпос – былины о богатырях, своего рода старейшинах рода, защитниках родины (всей земли Русской). При этом патриотизм богатырей не совпадает с отношением к родине князя Владимира, демонстрирующего эгоизм и узко-местнические интересы («Илья Муромец и Соловей Разбойник»).

В годы княжеских усобиц представление о Русской земле как общей территории, сплоченной вокруг Киева, общей родины, сужается до представлений об «отчине» – унаследованного от отцов надела земли. Узкое понимание родины – «Русской земли» – становится новой политической реальностью [Робинсон, 1980, с. 226], однако Андрей Боголюбский мечтает вернуть прежнее толкование понятия из предания в жизнь. Именно при нем возникает обозначение князя как «самодержца всея Руси» [Робинсон, 1980, с. 226] – ментальная интенция к возвращению «широкой» концепции «Русской земли». В годы монгольского нашествия был нанесен большой урон этническому сознанию русских. Ради выгод для собственной отчины местнически настроенные князья не видят ничего постыдного в заклю-

чении союза с нерусским государем [Забияко, 2002, с. 241].

В годы распада и раздробленности государственности возникает в народном сознании амбивалентное отношение к Родине: «на чужой сторонке словно в домовинке» (в гробу), «чужа сторона – дремучий бор» // «хоть в орде, да в добре», «где не жить, лишь бы сыту быть», «велика Русская земля, а правде нигде нет места» и др. На долгие столетия идея «Русской земли» как территории, объединяющей всех русских людей, дискредитирована бедами и лишениями, принесенными децентрализованным государством, корыстью власть предержащих. Происходит постепенное разделение единой восточнославянской общности на Великую, Малую и Белую Руси. С начала XIV в. великокняжеский стол перемещается в Москву, туда же перемещается резиденция митрополита – снова меняется представление о Русской земле с точки зрения географических и территориальных координат – возникает образ Московской Руси как родины всех русских людей. Как подчеркивают исследователи, «на протяжении всего русского средневековья – от раннего до позднего – этническое самосознание русских формировалось вокруг образа Русской земли, в котором запечатлелся опыт самосозидания народа и строительства государства» [Забияко, 2002, с. 243]. Образ Родины в русском этническом сознании изначально был неотделим от идеи

сильной государственной власти и единения русских людей (родных по происхождению, по территории).

Мифологический контекст осмысления образа родины русским этническим сознанием и его отражение в фольклоре и литературе

Памятники фольклора и древнерусской письменности воссоздают общую картину: былинные богатыри, как и страстотерпцы-подвижники, готовы сложить голову за всю Русь, понимая, что тем самым защищают и отчий дом.

В духовном стихе о Егории Храбром герой попадает в Русскую землю и застаёт ее в первозданном хаосе: там «леса дремучие», «горы толкучие», «что нельзя Егорью проехать». И Егорий Храбрый поступает в соответствии со своим предназначением «культурного героя»: благодаря вере своей наводит на «Русской земле» порядок [Большой стих ... , 1995].

Канонизированные после крещения Руси страстотерпцы Борис и Глеб, павшие жертвой княжеской усобицы, превращаются в народном сознании в заступников Земли русской [Повесть ... , 2012].

Исследователи образа родины выделяют несколько архетипических представлений о родине в русской этнической картине мира, природа которых отражает ментальность этноса. Это, прежде всего, *материнский архетип*. В духовном стихе о Голубиной книге Рус-

ская земля определяется как «*Светла Русь земля – всем землям мать*». В различных фольклорных жанрах встречается образ Матери Сырой земли. Мать-сыра земля предстает созидающим началом: она рождает все сущее, оберегает, любит, растит, страдает. В представлении о родине, считают ученые, воплотился архетип Великой Богини Матери – отсюда выражение «родная земля» и особое отношение к ней [Телия, 1999]. Языковые примеры такого отношения – *родина вскормила, родина возрастила, родина воспитала*, в то же время и у человека есть обязательства по отношению к матери, к родине, к родной земле – горячо любить, защищать родину, быть ее достойным сыном и т. д. [Телия, 1999].

Родина – мать, «любящая, самая родная и любимая, не способная предать свое дитя», кормилица и заступница [Рябов, 2001; Забияко, 2002]. В образе Матери-земли как женщины слились образы сестры, жены, невесты. От этого родства всех русских людей и возникает характерное обращение – «братья и сестры», потому что мать общая – родная земля. В отношении с родной нет посредников, что сильно влияет на особое отношение русского человека к родине [Балеевских, 2007, с. 35]. Главное в мифологическом сознании русского человека – правильная (в мифологическом понимании) устроенность Родины, религиозная праведность, божественное присутствие, чистота

и «светлость» (в значении *свято-сти* и духовного созидания) – в «Слове о Законе и Благодати митрополита Илариона» [Слово о законе ... , 1997], позднее – в «Задонщине» [Задонщина, 1999].

Данные тезисы корректируют некоторые современные спекуляции по поводу неправомочности объединения в русском этническом сознании идеи родины как родной земли и государства как формы существования Родины.

Но только после падения монгольского ига и усиления Московской Руси в XV в. на фоне ослабления Византии укрепляются и реально подтверждаются интуиции народных сказителей и православных авторов. Возникает мифологизированная идея «Москвы – Третьего Рима» (цикл повестей об Азовском осадном сидении) [Плюханов, 1995, с. 175].

Противостоит «матушке Руси» как земному пространству в древнерусском мифологическом сознании царство Дьявола, Сатаны, Антихриста.

Во времена Раскола образ Святой Руси обретает черты «потаенной святости». Именно в этот период возникает образ града Китежа – «древлеправославной Руси», скрывшейся от взоров неправедных церковников [Зеньковский, 1995]. Позднее этот образ будет пере-

осмыслен в литературе как религиозная мифологема Родины.

Соединением личного духа и духа народа определяется то чувство и степень осознания своего отношения к родине, что именуется *патриотизмом*. Патриотическое восприятие Родины начинает формироваться в соответствии с этапами становления российской государственности [Забияко, 2002].

Семантические значения понятия «родина» в поэтической рефлексии русских лириков XVIII – первой половины XX вв.

Образ родины в русской литературе многомерен: «Ни одно из них [определений. – Авт.], взятое само по себе, не составляет Родины: ни пространственное рядом-жительство людей, ни кровная связь происхождения, ни национальная и расовая принадлежность, ни привычный быт, ни хозяйственное единение, ни природа, ни общность положительного права или государства» [Ильин, 1995].

Но литература (особенно лирика) наиболее концептуально фиксирует индивидуально-психологические и в то же время универсальные этнические константы понимания этого образа. Одним из первых в русской литературе к образу родины обращается В. К. Третьяковский, находящийся в то время на учебе в Сорбонне:

Начну на флейте стихи печальны,
Зря на Россию чрез страны дальны...
Россия мати! Свет мой безмерный!
Позволь то, чадо прошу твой верный...
Чада достойны таковой мати,
Везде готовы за тебя стати...

Чем ты, Россия, не изобильна?
Где ты, Россия, не была сильна?
Сокровище всех добр ты едина,
Всегда богата, славе причина.

(«Стихи похвальные России») [Третьяковский, 1972, с. 110-111].

Несмотря на несовершенный слог и неровный ритмический рисунок, В. К. Третьяковский точно схватывает глубинные значения, присущие русскому пониманию «родины» – самодостаточной, изобильной, «светлой» в значении

«святой», матери своих «чад», готовых за свою мать «стати».

Слово «родина» в значении «отечество» впервые упоминает, вспоминая о Казани, Г. Р. Державин в 1798 г.:

Как весело внимать, когда с тобой она
Поет про *родину, отечество драгое,*
И возвещает мне, как там цветет весна,
Как время катится в Казани золотое!

[«Арфа», Державин, 2021, с. 105].

Настоящим «компендиумом» заложенных в слове «родина» древних и литературных смыслов предстает стихотворение Е. Баратынского, написанное в 1821 г. Его образ родины вмещает представления о «земле рода» (*поля моих отцов; родной своей стране*), родной земле, доме (о дом отеческой; / *в моей безвестной хате*), семье (в *кругу друзей своих, в кругу*

семьи своей, / Я буду издали глядеть на бури света), святости родной земли (*священный сердцу кров, домашние иконы*), земле, обильной плодами (*плодами сочными обильно воздадут / От гряд и заступа спешу к полям и плугу*), месте, где завершается жизненный цикл каждого человека, но не прекращается смена поколений:

В тени их отдохнёт мой правнук молодой;
Там дружба некогда сокроет пепел мой,
И вместо мрамора положит на гробницу
И мирный заступ мой, и мирную цевницу

[Баратынский, 1974, с. 347].

Как видно, пробуждение архетипических установок, актуализация сыновнего чувства к родине присущи русским поэтам, находящимся вдали от родной земли.

Дифференцированное отношение к родине – *государству* и *родной земле* начинается с откровений М. Ю. Лермонтова («Прощай, немытая Россия / Страна рабов, страна господ» / «Люблю Отчизну я, но странною любовью / Не победит ее рассудок мой...») [Лермонтов, 1972, с. 182; с. 178]). В лирике XIX–XX вв. лермонтовский посыл о «странной любви» к Отчизне принимает то ярко выраженные отличительные черты (в творчестве Н. А. Некрасова), то философскую направленность (Ф.И. Тютчев «Умом Россию не понять, / Аршином общим не измерить. У ней осо-

бенная статья, в Россию можно только верить», 1866) [Тютчев, 1974, с. 58]. Загадочность тютчевской максимы в «малой форме» дает повод самым разным интерпретациям. Один полюс склоняется к мысли о мессианской идее трактовки образа России [Голышева, 2012], другой – к иррационализму русского национального характера. По мнению В.В. Кожинова, Россия в понимании Тютчева существует только благодаря вере самих русских людей. Когда потеряна вера, быстро разрушается и сама страна [Кожин, 2009].

Конец XIX в. с его народническими увлечениями сформировал опрошенный, до знаковой фигуры крестьянки, униженной и забитой, образ родины:

Они глумятся над тобою,
Они, о родина, корят
Тебя своею простотою,
Убогим видом черных хат...

Так сын, спокойный и нахальный,
Стыдится матери своей –
Усталой, робкой и печальной
Средь городских его друзей,
Глядит с улыбкой состраданья
На ту, кто сотни верст брела
И для него, ко дню свиданья,
Последний грошик берегла.

(И. Бунин. Родине. 1891) [Бунин, 1973, с. 46-47].

«Передвижнический» персонафицированный образ родины, открытый И. Буниным [Цветкова,

2012], у Есенина еще более снижен, несмотря на гимнические восклицания в заглавии:

О Родина, о новый
С золотою крышей кров,
Труби, мычи коровой,
Ревь телком громов
(«О Родина!») [Есенин, 1983, с. 258].

Обращаясь к перевозданной семантике слова (*родовой дом (кров), земля, обильная приплодом; мать*), С. Есенин соединяет высокое и низкое: иконописную цветопись (метонимически намекающую на святость, «благодать» родины) и «пороки, пьянство и разбой», присущие разгульной матери.

Брожу по синим селам,
Такая благодать,
Отчаянный, веселый,
Но весь в тебя я, мать.

Люблю твои пороки,
И пьянство, и разбой,
И утром на востоке
Терять себя звездой.

(«О Родина!») [Есенин, 1983, с. 258].

Архетипическое женское начало, присущее образу родины, в творчестве поэтов «серебряного века» обретает амбивалентные черты. Родина – ключевая тема в творчестве А. Блока, в его лирике образ родины – Руси, России – становится органическим развитием идеи софийности, Вечной Женственности: «О Русь моя! Жена моя, до боли...»:

Роковая страна, ледяная,
Проклятая железной судьбой -
Мать Россия, о родина злая,
Кто же так подшутил над тобой?

(«Родина») [Александр Блок ... , 1990, с. 262-263].

В лирике Андрея Белого «родина злая» обладает страшной хтонической силой, убивая своих детей:

Рыдай, буревая стихия
В столбах громового огня!
Россия, Россия, Россия, –
Безумствуй, сжигая меня!

(«Родине») [Александр Блок ... , 1990, с. 337].

Особенное развитие образ родины обретает в лирике Анны Ахматовой: Н. А. Николина, опираясь на частотный словарь имен Ст. Гиля (Осло, 1974 г.), пишет о том, что «в стихах Ахматовой слово Родина повторяется 9 раз <...>. Эти слова не принадлежат к наиболее частотным в творчестве Ахматовой, однако слово *земля* <...> входит в состав ключевых в ее поэзии <...>. Именно слово *земля* (одно или в сочетании с определением родная) наиболее часто используется в творчестве Ахматовой для обозна-

чения Родины» [Николина, 1989, с. 72]. Тема родины появляется уже в ранней лирике поэтессы, превращаясь впоследствии в настоящую метатему. С образом родины у поэтессы связан образ праха предков // одновременно дорожной пыли, в которой приходится идти лирической героине-страннице по бескрайним просторам ее земли. Ахматовский образ родины ритмически перекликается с лермонтовским признанием в «странной любви» к Отчизне:

Ты знаешь, я томлюсь в неволе,
О смерти господя моля.
Но все мне памятна до боли
Тверская *скудная земля*.

Журавль у ветхого колодца,
Над ним, как кипень, облака,
В полях скрипучие воротца,
И запах хлеба, и тоска.

И те неяркие просторы.
Где даже голос ветра слаб,
И осуждающие взоры
Спокойных загорелых баб.

(1913) [Ахматова, 1990, с. 60].

Родина у Ахматовой – женского рода, обретающая амбивалентные черты «спокойных загорелых баб» и одновременно кликуш – марги-

нальных персонажей русской этнической культуры, пророчащих в своей бесноватости:

И, согнувшись, бесслезно молилась
Ей о слепеньком мальчике мать,
И кликуша без голоса билась,
Воздух сияясь губами поймать.
(«Плотно сомкнуты губы сухие...», 1913) [Ахматова, 1990, с. 62].

Лирическая героиня Ахматовой признается после революции, что не вняла «голосу», который «звал утешно», и не оставила Россию в годину страшных испытаний. Инфернальные коннотации этого «зова» («Мне голос был. Он звал утешно...» [Ахматова, 1999, с. 110]) напрямую соотносятся с народными представлениями о чужбине как об обиталище Дьявола.

В 1920–30 гг. образ родины в творчестве поэтессы трагичен – несмотря на то, что Ахматова употребляет по отношению к родине эпитет «великая», сквозными образами ее лирики становятся образы смерти, боли, крови и страдания [Николина, 1989]. Религиозные коннотации в образе Родины воплощаются в образах боярыни Морозовой, китежанки:

От того, что сделалось прахом,
Обуянная смертным страхом
И отмщенья зная срок,
Опустивши глаза сухие
И ломая руки, Россия
Преодо мною шла на восток

[Ахматова, 1990, с. 344].

Стойкий образ Родины-матери выкристаллизуется в лирике А. А. Ахматовой в годы Великой Отечественной войны. Година тяжелейших испытаний заострила в сознании лириков все дремлющие архетипические смыслы, присущие русской этнической картине мира. Лирика самой неконъюнктурной и, вероятно, самой бедствующей на Родине поэтессы в концентрированном виде обнажила те базовые установки, что двигали сердцами и порывами русских людей в те годы.

Отдельной темы исследования заслуживает лирическая рефлексия образа Родины в творчестве поэтов эмиграции. Трагический разрыв с *землей отцов*, утрата *родных могил* и родной культуры породили целое направление в лирике поэтов-беженцев [Сваровская, 2008].

Заключение

Образ родины в картине мира русского человека связан с архетипом Матери, обладающим характеристиками вневременности и вечности. Родина в образе земли предков не зависит от политических, экономических изменений, она находится вне времени, является родиной и древним славянам, и современным русским людям. Безусловна ее любовь к детям – родина любит всех своих детей вне зависимости от их различий, воспитывает их и заботится, жалеет и прощает. Отечество (государство) выступает в роли отца, противоположного начала.

В представлениях о Родине для русских совместились исторический, мифологический, религиозный смыслы, нашедшие отражение в язы-

ке, фольклоре и литературе – все эти значения в разной степени интенсивности нашли окказиональное концептуальное воплощение в русской лирике. Образ родины в творчестве русских лириков XVIII–XX вв. стал не просто проекцией их патриотических чувств – но и призмой, высвечивающей их этнические и патриотические установки.

Библиографический список

1. Александр Блок. Андрей Белый. Диалог поэтов о революции / сост. М. Ф. Пьяных. Москва : Высшая школа, 1990. 687 с.
2. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка : практический справочник / под. ред. Л. А. Чешко. Москва : Русский язык, 2001. 568 с.
3. Арбатский Д. И. Основные способы толкования значений слова // Русский язык в школе. 1970. № 3. С. 26–31.
4. Ахматова А. А. Мне голос был. Он звал утешно... // Поэты Серебряного века. Москва : Терра, 1999. С. 110.
5. Ахматова А. А. Сочинения : в 2 т. Т. 1 : Стихотворения и поэмы. Москва : Правда, 1990. 448 с.
6. Балеевских О. Ю. «Родина-Мать»: значение образа матери в формировании патриотизма // Сумма философии. 2007. № 7. С. 35–40.
7. Баратынский Е. А. Родина // Библиотека всемирной литературы : в 200 т. Т. 105 : Русская поэзия XIX века. Москва : Художественная литература, 1974. С. 346–347.
8. Большой стих о Егории Храбром // Селиванов Ф. М. Русские народные духовные стихи. Йошкар-Ола : Марийский университет, 1995. С. 27–31.
9. Бунин И. А. Родине // Библиотека всемирной литературы : в 200 т. Т. 140 : Бунин И. А. Стихотворения. Рассказы. Повести / Под ред. С. Чулкова. Москва : Художественная литература, 1973. С. 46–47.
10. Веселовский А. Н. Судьба-доля в народных представлениях славян // Веселовский А. Н. Разыскания в области русского духовного стиха : Сборник отделения русского языка и словесности. Т. 46, № 6. Санкт-Петербург : Типография Императорской академии наук, 1889. С. 173–260.
11. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2. Москва : Русский язык, 2000. 779 с.
12. Державин Г. Р. Стихотворения 1774–1816 гг. Подробный иллюстрированный комментарий. Москва : РГ-Пресс, 2021. 256 с.
13. Есенин С. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 2. Москва : Правда, 1983. 384 с.
14. Забияко А. П. Начала древнерусской культуры. Москва : Пайдейя : Московские учебники, 2002. 478 с.
15. Забияко А. П. Религия славян // История религии : в 2 т. Т. 1 / Под общ. ред. И. Н. Яблокова. Москва : Высшая школа, 2004. С. 236–286.
16. Задонщина // Библиотека литературы Древней Руси : в 20 т. Т. 6 : XIV – середина XV века / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. Санкт-Петербург : Наука, 1999. С. 106–119.
17. Ильин И. А. Родина и мы. Смоленск : Посох, 1995. 511 с.
18. Кожин В. В. Тютчев. Москва : Молодая гвардия, 2009. 480 с.

19. Комарович В. Л. Культ рода и земли в княжеской среде XI–XIII вв. // Труды Отдела древнерусской литературы. Москва ; Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1960. Т. 16. С. 84–104.
20. Лермонтов М. Ю. Прощай, немытая Россия // Библиотека всемирной литературы : в 200 т. Т. 93 : Лермонтов М.Ю. Стихотворения. Поэмы. Маскарад. Герой нашего времени / Под ред. С. Чулкова. Москва : Художественная литература, 1972. С. 184.
21. Львов М. Р. Словарь антонимов русского языка / Под ред. Л. А. Новикова. Москва : Русский язык, 1984. 384 с.
22. Николина Н. А. Образ Родины в поэзии А. Ахматовой // Русский язык в школе. 1989. № 2. С. 72–79.
23. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / Под ред. Л. И. Скворцова. Москва : Мир и образование, 2020. 1376 с.
24. Плюханов М. Б. Сюжеты и символы Московского царства. Санкт-Петербург : Акрополь, 1995. 336 с.
25. Повесть временных лет / Пер. с древнерус. Д. С. Лихачева, О. В. Творогова ; коммент. А. Г. Боброва, С. Л. Николаева, А. Ю. Чернова, А. М. Введенского, Л. В. Войтовича. Санкт-Петербург : Вита Нова, 2012. 512 с.
26. Робинсон А. А. Литература Древней Руси в литературном процессе средневековья XI–XIII вв. Очерки литературно-исторической типологии. Москва : Наука, 1980. 336 с.
27. Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники. Москва : Наука, 1971. 261 с.
28. Рябов О. В. «Матушка-Русь»: Опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историософии. Москва : Ладомир, 2001. 202 с.
29. Сваровская А. С. Чувство родовой сопричастности в лирике первой волны русской эмиграции // Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог. 2008. № 9. С. 67-91.
30. Слово о законе и благодати митрополита Киевского Илариона // Библиотека литературы Древней Руси : в 20 т. Т. 1 : XI–XII века / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. Санкт-Петербург : Наука, 1997. С. 26–63.
31. Теля В. Н. Рефлексы архетипов сознания в культурном концепте «родина» // Славянские этюды. Сборник к юбилею С. М. Толстой. Москва : Индрик, 1999. С. 466–476.
32. Третьяковский В. К. Стихи похвальные России // Библиотека всемирной литературы : в 200 т. Т. 57 : Русская поэзия XVIII века / Под ред. С. Чулкова. Москва : Художественная литература, 1972. С. 110–111.
33. Трубачев О. Н. К этимологии некоторых древнейших славянских терминов родства // Вопросы языкознания. 1957. № 2. С. 86–96.
34. Тютчев Ф. И. Умом Россию не понять // Библиотека всемирной литературы : в 200 т. Т. 106 : Русская поэзия XIX века / Под ред. С. Чулкова, И. Щербаковой. Москва : Художественная литература, 1974. С. 58.

35. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка : в 4 т. Т. 3. Москва : Астрель ; АСТ, 2000. 1424 с.
36. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : В 4 т. Т. 3. Санкт-Петербург : Терра-Азбука, 1996. 832 с.

Reference list

1. Aleksandr Blok. Andrej Belyj. Dialog pojetov o revoljucii = Andrei Bely. A dialogue of poets on revolution / Sost. M. F. P'janyh. Moskva : Vysshaja shkola, 1990. 687 s.
2. Aleksandrova Z. E. Slovar' sinonimov russkogo jazyka : prakticheskij spravochnik = Dictionary of synonyms of the Russian language : a practical handbook / pod. red. L. A. Cheshko. Moskva : Russkij jazyk, 2001. 568 s.
3. Arbatskij D. I. Osnovnye sposoby tolkovanija znamenij slova = Basic ways of interpreting lexical meanings // Russkij jazyk v shkole. 1970. № 3. S. 26–31.
4. Ahmatova A. A. Mne golos byl. On zval uteshno... = Akhmatova A.A. I heard a voice. It came, beguiling // Pojety Serebrjanogo veka. Moskva : Terra, 1999. S. 110.
5. Ahmatova A. A. Sochinenija = Works : v 2 t. T. 1 : Stihotvorenija i pojemy. Moskva : Pravda, 1990. 448 s.
6. Baleevskih O. Ju. «Rodina-Mat'»: znachenie obraza materi v formirovanii patriotizma = "Motherland": the importance of the maternal image in the formation of patriotism // Summa filosofii. 2007. № 7. S. 35–40.
7. Baratynskij E. A. Rodina = Baratynsky E.A. Motherland // Biblioteka vseмирnoj literatury : v 200 t. T. 105 : Russkaja poezija XIX veka. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1974. S. 346–347.
8. Bol'shoj stih o Egorii Hrabrom = The great verse about Egoriy the Brave // Selivanov F. M. Russkie narodnye duhovnye stihi. Joshkar-Ola : Marijskij universitet, 1995. S. 27–31.
9. Bunin I. A. Rodine = To the Motherland // Biblioteka vseмирnoj literatury : v 200 t. T. 140 : Bunin I. A. Stihotvorenija. Rasskazy. Povesti / Pod red. S. Chulkova. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1973. S. 46–47.
10. Veselovskij A. N. Sud'ba-dolja v narodnyh predstavlenijah slavjan = Fate-destiny in folk beliefs of the Slavs // Veselovskij A. N. Razyskanija v oblasti russkogo duhovnogo stiha : Sbornik otdelenija russkogo jazyka i slovesnosti. T. 46, № 6. Sankt-Peterburg : Tipografija Imperatorskoj akademii nauk, 1889. S. 173–260.
11. Dal' V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka = Explanatory dictionary of the living great Russian language : v 4 t. T. 2. Moskva : Russkij jazyk, 2000. 779 s.
12. Derzhavin G. R. Stihotvorenija 1774–1816 gg. Podrobnij illjustrirovannyj komentarij.= Poems 1774-1816. Detailed illustrated commentary. Moskva : RG-Press, 2021. 256 s.
13. Esenin S. Sobrańie sochinenij = Collected works : v 3 t. T. 2. Moskva : Pravda, 1983. 384 s.
14. Zabijako A. P. Nachala drevnerusskoj kul'tury = The origins of the ancient Russian culture. Moskva : Pajdejja : Moskovskie uchebniki, 2002. 478 s.
15. Zabijako A. P. Religija slavjan = Religion of the Slavs // Istorija religii : v 2 t. T. 1 / Pod obshh. red. I. N. Jablokova. Moskva : Vysshaja shkola, 2004. S. 236–286.
16. Zadoshhina = Zadoshchina (beyond the Don river) // Biblioteka literatury Drevnej Rusi : v 20 t. T. 6 : XIV – seredina XV veka / Pod red. D. S. Lihacheva,

- L. A. Dmitrieva, A. A. Alekseeva, N. V. Ponyrko. Sankt-Peterburg : Nauka, 1999. S. 106–119.
17. Il'in I. A. Rodina i my = Motherland and we. Smolensk : Posoh, 1995. 511 s.
 18. Kozhinov V. V. Tjutchev = Tyutchev. Moskva : Molodaja gvardija, 2009. 480 s.
 19. Komarovich V. L. Kul't roda i zemli v knjazheskoj srede XI–XIII vv. = The cult of family and land in the principdom of XI–XIII centuries // Trudy Otdela drevnerusskoj literatury. Moskva ; Leningrad : Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1960. T. 16. S. 84–104.
 20. Lermontov M. Ju. Proshhaj, nemytaja Rossija = Farewell, unwashed Russia // Biblioteka vseмирnoj literatury : v 200 t. T. 93 : Lermontov M. Ju. Stihotvorenija. Pojemy. Maskarad. Geroj nashego vremeni / Pod red. S. Chulkova. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1972. S. 184.
 21. L'vov M. R. Slovar' antonimov russkogo jazyka / Pod red. L. A. Novikova. Moskva : Russkij jazyk, 1984. 384 s.
 22. Nikolina N. A. Obraz Rodiny v poezii A. Ahmatovoj = The image of Motherland in A. Akhmatova's poetry // Russkij jazyk v shkole. 1989. № 2. S. 72–79.
 23. Ozhegov S. I. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka = Explanatory dictionary of the Russian language / Pod red. L. I. Skvorcova. Moskva : Mir i obrazovanie, 2020. 1376 s.
 24. Pljuhanov M. B. Sjuzhety i simvolj Moskovskogo carstva. = Plots and symbols of the Moscow kingdom. Sankt-Peterburg : Akropol', 1995. 336 s.
 25. Povest' vremennyh let = The Russian Primary Chronicle / Per. s drevnerus. D. S. Lihacheva, O. V. Tvorogova ; komment. A. G. Bobrova, S. L. Nikolaeva, A. Ju. Chernova, A. M. Vvedenskogo, L. V. Vojtovicha. Sankt-Peterburg : Vita Nova, 2012. 512 s.
 26. Robinson A. A. Literatura Drevnej Rusi v literaturnom processe srednevekov'ja XI–XIII vv. Oчерki literaturno-istoričeskoj tipologii. = Literature of ancient Russia in the literary process of the Middle Ages XI–XIII centuries. Essays on literary and historical typology. Moskva : Nauka, 1980. 336 s.
 27. Rybakov B. A. «Slovo o polku Igoreve» i ego sovremenniki. = The Tale of Igor's Campaign and its contemporaries. Moskva : Nauka, 1971. 261 s.
 28. Rjabov O. V. «Matushka-Rus'»: opyt gendernogo analiza poiskov nacional'noj identičnosti Rossii v otečestvennoj i zapadnoj istoriosofii = "Mother Russia": gender analysis of the search for Russia's national identity in Russian and Western historiography. Moskva : Ladomir, 2001. 202 s.
 29. Svarovskaja A. S. Chuvstvo rodovoj soprichastnosti v lirike pervoj volny russkoj jemigracii = Sense of kinship in the lyrics of the first wave of Russian emigration // Russkaja literatura v HH veke: imena, problemy, kul'turnyj dialog. 2008. № 9. S. 67–91.
 30. Slovo o zakone i blagodati mitropolita Kievskogo Ilariona = Metropolitan Hilari- on of Kiev on the law and grace // Biblioteka literatury Drevnej Rusi : v 20 t. T. 1 : XI–XII veka / Pod red. D. S. Lihacheva, L. A. Dmitrieva, A. A. Alekseeva, N. V. Ponyrko. Sankt-Peterburg : Nauka, 1997. S. 26–63.
 31. Telija V. N. Refleksy arhetipov soznanija v kul'turnom koncepte «rodina» = Re- flexes of mind's archetypes in the cultural concept of "homeland" // Slavjanskije jetjudy. Sbornik k jubileju S. M. Tolstoj. Moskva : Indrik, 1999. S. 466–476.

32. Trediakovskij V. K. Stihi pohval'nye Rossii = Poems of praise to Russia // Biblioteka vseмирnoj literatury : v 200 t. T. 57 : Russkaja poezija XVIII veka / Pod red. S. Chulkova. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1972. S. 110–111.

33. Trubachev O. N. K jetimologii nekotoryh drevnejshih slavjanskih terminov rodstva = On the etymology of some ancient Slavic kinship terms // Voprosy jazykoznanija. 1957. № 2. S. 86–96.

34. Tjutchev F. I. Umom Rossiju ne ponjat' = Russia cannot be known by the mind // Biblioteka vseмирnoj literatury : v 200 t. T. 106 : Russkaja poezija XIX veka / Pod red. S. Chulkova, I. Shherbakovoj. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1974. S. 58.

35. Ushakov D. N. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka = Explanatory dictionary of the Russian language: v 4 t. T. 3. Moskva : Astrel' ; AST, 2000. 1424 s.

36. Fasmer M. Jetimologičeskij slovar' russkogo jazyka = Etymological dictionary of the Russian language: V 4 t. T. 3. Sankt-Peterburg : Terra-Azbuka, 1996. 832 s.

Статья поступила в редакцию 25.03.2023; одобрена после рецензирования 01.05.2023; принята к публикации 26.05.2023.

The article was submitted on 25.03.2023; approved after reviewing 01.05.2023; accepted for publication on 26.05.2023